

ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(571)''17''

А.В. ДМИТРИЕВ**ВОЕННОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ВЛАСТИ И НАРОДОВ СИБИРИ В КОНЦЕ XVI – НАЧАЛЕ XVIII ВВ.:
ТИПОВЫЕ МОДЕЛИ И ИХ ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ***

канд. ист. наук
Новосибирский государственный национальный
исследовательский университет
E-mail: khaldeus@academ.org

Статья посвящена анализу различных моделей взаимодействия между русской государственной властью и аборигенами Сибири в сфере военного дела и службы на протяжении указанного периода. На основе обширного круга источников и литературы автором установлены характерные особенности, присущие каждой из трех выделенных моделей, и условия, которыми определялась их реализация на практике. Выявлена зависимость при выборе той или иной модели от складывавшейся в конкретном регионе Сибири военно-политической ситуации, определены те факторы, которые могли приводить к смене одной модели на другую.

Ключевые слова: Сибирь; аборигены; воинская служба; межэтническое взаимодействие; военные конфликты; XVII в.

Традиция сотрудничества в сфере военного дела и военной службы между русской государственной властью и представителями нерусских этносов в истории нашей страны носит давний и прочный характер. Связана она, в первую очередь, с полиэтничным характером российской государственности, отмечаемым уже с первых столетий ее существования. Еще в эпоху Древней Руси князья привлекали для защиты границ своих владений, по сути для несения пограничной службы значительные контингенты из числа степных кочевников. В летописях они именовались «берендеями», «торками», «черными клобуками» [1]. В дальнейшем, с наступлением периода формирования Московского государства, мы сталкиваемся с таким феноменом как Касимовское ханство на р. Оке к югу от Москвы. Оно явилось фактически иноэтничным анклавом в пределах государственной территории

---

* Статья подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00027.

сначала великого княжества Московского XV в., затем Московского царства XVI в. Его население рассматривалось, прежде всего, в качестве защитного барьера от проникновения на московские земли враждебных соседей – казанских и крымских татар [2, 3]. Наконец, с утверждением русской государственной власти в Поволжье немалая часть бывших подданных Казанского ханства и других политических образований, подчиненных Иваном Грозным, также перешли на службу к новому сюзеру. Достаточно вспомнить факты, связанные с участием татарских отрядов в ряде кампаний Ливонской войны 1558–1583 гг.

Указанные тенденции не могли не затронуть также аборигенное население Сибири в период ее присоединения к России. К настоящему времени в исследовательской литературе уже введен в научный оборот значительный массив фактического материала, иллюстрирующего различные аспекты военного сотрудничества русской власти и сибирских аборигенов [4–17]. Более того, в одной из недавних публикаций А.С. Зуевым и А.А. Люцидарской была предложена типологическая классификация нескольких различных моделей, использовавшихся русской государственной властью во взаимоотношениях с аборигенными этносами Сибири в сфере военного дела и воинской службы. В частности, им выделены следующие варианты: 1) использование вооруженных отрядов аборигенов в качестве вспомогательных сил («союзников-федератов») в ходе тех или иных военных предприятий, санкционированных и проводившихся русскими властями; 2) формирование из аборигенов отдельных подразделений, на постоянной основе несших военную службу в составе русских гарнизонов; 3) зачисление в служилые люди отдельных представителей сибирских этносов, сопровождавшееся их переходом в православие – так называемых «новокрещенов», уравнивавшихся после этого в правах с русскими [18, с. 61, 62].

В настоящей статье мы ставим своей задачей проанализировать на базе конкретного фактического материала, насколько успешной оказывалась практическая реализация перечисленных выше моделей, и какими факторами определялся выбор в пользу каждой из них в той или иной ситуации. Наряду с указанными исследованиями нами привлечены документы, содержащиеся в нескольких сборниках опубликованных источников («Акты исторические», «Дополнения...» к ним, «Памятники сибирской истории», а также извлеченные из фонда Сибирского приказа Российского государственного архива древних актов (РГАДА, ф. 214).

Первая из интересующих нас моделей – использование представителей различных этнических групп аборигенов Сибири в качестве военных союзников, применялась практически на всем протяжении рассматриваемого периода и отличалась широкой географией распространения. Как правило, в ходе проникновения первых русских отрядов на ранее неизвестные террито-

рии и приведения местного населения к покорности для организации сбора ясака поиск союзников среди аборигенов диктовался военной необходимостью – в силу малочисленности русских сил в данном регионе. В частности, в Западной Сибири уже на рубеже XVI–XVII вв. вооруженные силы одного из существовавших там этнополитических объединений хантов («княжества» Коды) принимали участие в боевых действиях против своих соседей вместе с отрядами русских служилых людей. С.В. Бахрушин отмечал, что при содействии кодского князя И. Алачева «было завершено покорение Пелымского княжества завоеванием в 1594 г. Большой Конды... им же было предпринято несколько походов совместно с русскими для завоевания верхнего течения Оби, Сургута и Нарыма... он же ходил в походы на обдорских остяков и покорил их русским» [19, с. 49; 6, с. 287]. Поскольку князя Коды «могли выставить от 200 до 300 воинов, вооруженных пищалями и луками, панцырями и шлемами» [16, с. 37], понятно, что их помощь значительно укрепляла русские военные ресурсы в регионе.

И в дальнейшем, на всем протяжении первой трети XVII в, отряды кодских хантов, продвигаясь на восток вместе с казаками и служилыми людьми, участвовали в постройке Томска, Нарыма, Маковского и Кетского острогов, вели боевые действия против тунгусов на Енисее, даже выставляли ежегодно несколько десятков человек в экспедиции к оз. Ямыш для добычи соли [20]. В ряде случаев кодские князья оказывали помощь русским властям в подавлении вооруженных выступлений своих соплеменников. Так, брат И. Алачева князь О. Юрьев в 1607 г. помогал разгромить отряды восставших остяков, два месяца державших в осаде г. Березов, а его воины участвовали в захвате предводителей этого восстания [7, с. 34; 16, с. 42]. Впрочем, ход дальнейших событий показал, что русские власти не могли до конца быть уверенными в лояльности своих новых союзников. Уже в 1609 г. вдова И. Алачева княгиня А. Пуртеева сама готовилась поднимать своих подданных против русских, но намеченное восстание не состоялось [5, с. 15]. А с 1630-х годов кодские князья, уже потерявшие авторитет среди своих соплеменников, перестали быть нужными и русской администрации, прочно утвердившейся в Западной Сибири, так что с их самостоятельностью быстро покончили [19, с. 59–62; 16, с. 45–49; 21].

Аналогичным образом складывалась ситуация и в Южной Сибири, где русским приходилось сталкиваться с сильными противниками из числа кочевых народов Центральной Азии, прежде всего киргизами. В целом ряде военных конфликтов с ними, наряду с отрядами русских служилых людей из Томска, Кузнецка и Красноярска, принимали участие чатские, аринские и качинские татары, а также «белые калмыки» (выезжие телеуты, во второй половине XVII в. перебравшиеся на территорию русских владений). Самым

масштабным эпизодом, безусловно, явились походы из Томска Р. Старкова и И. Суворова на киргизов в 1680 и 1682 г. соответственно – факты участия в них крупных отрядов татар и телеутов были зафиксированы даже в сибирских летописях [22]¹. Только за период 1673–1709 г. А.П. Уманский, например, отметил не менее десятка крупных военных предприятий, в которых отличились томские и кузнецкие выездные телеуты [11, с. 258, 259]. При этом не редкостью были случаи, когда последние сталкивались в боях не только с враждебными им киргизами, но и со своими соплеменниками, не желавшими признавать над собой русской власти. Так, «белый калмык» Б. Кожанов в 1673 г. участвовал в погоне и разгроме бежавших из Томска телеутского князя И. Уделекова и его сторонников, а в следующем 1674 г. он сам, его братья и дети были убиты князем Табуном, отомстившим за «предательство» [11, с. 216, 217].

Таким образом, еще одним фактором, подталкивавшим к совместным боевым действиям с союзниками-аборигенами, могли становиться межэтнические и межродовые конфликты в среде самих сибирских народов. Не случайно, например, С.В. Бахрушин так характеризовал поведение красноярских подгородных татар: «Воинственные и привычные к набегам, они, действительно, несли военную службу не за страх, а за совесть. В 1635 г., во время похода на «братских людей», когда русская часть экспедиционного корпуса отказалась идти дальше, аринские татары, наоборот, рвались в бой» [23, с. 85]. В походе 1642 г. против киргизов, тубинцев и моторов в составе отряда красноярского казачьего атамана М. Кольцова находились 70 аринских и качинских татар². При подготовке послужного списка с перечислением всех боевых заслуг участников этого похода атаман специально отмечал, кто из татар «мужика убил» или «под мужиком коня убил», подчеркивая, что каждый из них, без исключения, «на том бою тебе, государю, служил, бился явственно»³. В походе против братского князца Оилана в 1645 г. также участвовали не менее 80 красноярских подгородных татар⁴. В 1646 г. в экспедиции томского сына боярского П. Сабанского к телеутскому князю Коке, сопровождавшейся военными стычками, были задействованы 58 чатских и томских татар⁵. А в 1652 г., когда из Красноярска был организован поход против братских князцов Узуна, Чиначея и Абакала, в нем приняли

¹ Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). М., 1987. Т. 36: Сибирские летописи. Ч. 1: Группа Есиповской летописи. С. 216, 276, 332. См. также: Памятники сибирской истории XVIII в. (ПСИ). СПб., 1882. Кн. 1. С. 12, 13.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 71, 72.

³ Там же. Л. 85–88.

⁴ Там же. Л. 107–111.

⁵ Там же. Л. 140–143.

участие 170 татар (качинских, аринских и канских) и 15 тубинцев (при том, что всех русских служилых людей насчитывалось в отряде не более 130 чел.)⁶.

Зато на крайнем Северо-Востоке Сибири воплощение в жизнь рассматриваемой модели встретило значительные затруднения. В силу крайней малочисленности действовавших здесь на всем протяжении второй половины XVII и начала XVIII вв. русских отрядов без военной помощи аборигенов обойтись оказывалось практически невозможно. Однако рассчитывать на лояльность таких союзников, как выяснилось, можно было далеко не всегда. А.С. Зуевым отмечено множество примеров, когда военные отряды тамошних обитателей сначала действовали заодно с русскими служилыми и промышленными людьми, а затем поднимали против них оружие. Так, в 1669 г. русский отряд из 50 чел., отправленный на р. Пенжину, подвергся нападению со стороны сопровождавших его юкагиров [15, с. 217]. Во время похода В. Атласова по территории Камчатки в 1697 г. «впали в измену» сопровождавшие его юкагиры. Причиной этих событий А. С. Зуев называет «трудности похода, сопровождавшиеся жестоким отношением к ним со стороны казаков и самого Атласова» [15, с. 232]. В 1714 г. юкагиры, принимавшие участие в походе анадырского приказчика А. Петрова против коряков, уже на обратном пути, после взятия корякских острожков напали на казаков и перебили почти всех, взяв нескольких уцелевших в плен и разграбив захваченную в походе добычу. Спровоцирован такой исход был опять же «многими обидами и налогами и разорениями», которые претерпели союзники от русских предводителей в походе: у них отбирали ездовых оленей, вымогали соболей и лисиц, наказывали без причин батогами и т. д.⁷ [15, с. 258].

Вместе с тем, в источниках также содержатся сведения о том, какую помощь оказывали аборигены-союзники русским отрядам как непосредственно в ходе боевых действий, так и в снабжении продовольствием, транспортировке грузов или разведке местности. Еще в начале 1650-х годов один из первых якутских воевод Д.А. Францбеков утверждал, что «якуты и тунгусы и юкагиры, и многие люди к ратному бою привычны... на изменников и на непослушных людей в поход ходят и бьются» [14, с. 128], а в грамоте, отправленной Е.П. Хабарову для передачи в руки китайского императора, подчеркивал решимость якутов, эвенков и юкагиров сражаться за русского государя. Из обширной подборки сведений о военных столкновениях в северо-восточной Сибири за весь рассматриваемый период, осуществленной А.С. Зуевым, следует, что «особенно активно русские привлекали к походам юкагиров (против чукчей, коряков, отчасти ительменов) и эвенков (против коряков)... Юкагиры

⁶ РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Стб. 241. Л. 265.

⁷ См. также: ПСИ. СПб., 1885. Кн. 2. С. 53–57, 92, 93.

вообще почти постоянно сопровождали русских»⁸ [15, с. 103]. Таким образом, даже в чрезвычайно сложных условиях крайнего Северо-Востока рассматриваемая нами модель также использовалась, пусть и не всегда успешно. Крайняя малочисленность русского населения в регионе (не более 2 тыс. чел. в середине XVII в., да и впоследствии она вряд ли росла быстрыми темпами [14, с. 132]) диктовала настоятельную необходимость прибегать к помощи аборигенов-союзников, но она же и провоцировала последних на внезапные проявления враждебности, нередко остававшиеся безнаказанными.

Вторая рассматриваемая нами модель – формирование из аборигенов специальных воинских подразделений, несших военную службу вместе с казаками и служилыми людьми в составе гарнизонов русских городов в Сибири. Она также восходит еще к концу XVI в., когда только происходило утверждение русской государственной власти в Западной Сибири. Речь идет, прежде всего, о довольно значительной по своей численности группе населения, именовавшейся «юртовскими» или служилыми татарами. Как отмечал еще С. В. Бахрушин, составилась она из тех князей и мурз, а также их потомков, которые быстро согласились служить русской власти после падения своего прежнего сюзерена: «Едва определилась победа русских над Кучумом, как его вчерашние вассалы поспешили перейти на службу московского государя» [24, с. 163]. На протяжении XVII в. в Западной Сибири их насчитывалось несколько более 400 чел.: в Тобольске около 250, в Тюмени от 76 до 108, в Таре от 50 до 65⁹ [12, с. 33; 17, с. 52, 53]. Со временем их контингенты стали формироваться и в других городах. Так, в Томске уже к середине XVII в. служилых татар было не менее 300 чел., а в Кузнецке на протяжении второй половины XVII в. насчитывалось от 20 до 30 юртовских татар [25, с. 119; 26, с. 104; 27].

Следует заметить, что данная модель применялась в отношении представителей лишь одного этноса – сибирских татар, хотя к ним также причислялись в дальнейшем и выходцы из Средней Азии, иногда поступавшие на русскую службу. Объяснить это можно, на наш взгляд, двумя факторами: самим ходом событий на начальном этапе присоединения Западной Сибири к Русскому государству, когда именно сибирские татары оказались единственным возможным союзником для появившихся здесь русских отрядов в борьбе с Кучумом и его наследниками; кроме того, только сибирским татарам были свойственны развитые традиции государственности, отсутствовавшие в других регионах Сибири, облегчавшие представителям данной этнической

---

⁸ Так, в поход 1701 г. против чукчей выступили 24 казака в сопровождении 110 юкагиров и коряков, см.: ПСИ. Кн. 2. С. 525.

⁹ В это число не входили дети, братья и другие родственники мужского пола, не состоявшие на военной службе.

группы вхождение в социально-политическую систему Московской Руси, в том числе путем привлечения к постоянной военной службе¹⁰. С.В. Бахрушин отмечал, что сибирские служилые татары были поставлены «в одинаковое положение с массой русского мелкого служилого люда» [24, с. 173]. Их положение характеризовалось следующими конкретными особенностями.

Уже с первых десятилетий XVII в. статус юртовских татар приобрел наследственный характер. Изменения в составе гарнизонных татарских контингентов происходили, как правило, путем передачи открывающихся вакантных мест детям или братьям тех людей, которые выбывали со службы. Характер исполняемых ими служебных обязанностей ничем не отличался от функций казаков сибирских гарнизонов: они «ходили в походы не только на хана Кучума, но и на его сыновей и внуков, участвовали в экспедициях, имевших целью постройку сибирских городов, использовались для охраны городков и волостей, подвергавшихся опасности от калмыцких и ногайских набегов, а также для различных поручений, которые требовали знания местных условий и наличия связи с населением» [17, с. 54]. При этом имели место две особенности, выделявшие юртовских татар, как из среды аборигенного населения, так и среди служилых людей: они оставались лично свободными от уплаты ясака, но сохраняли собственное вероисповедание – ислам, так что после каждой смены монархов на русском престоле клятву в верности новой власти давали на Коране. Кроме того, в отличие от детей боярских и казаков, служилые татары, как правило, не получали хлебного жалования, им выдавали денежные и соляные оклады, кстати, даже уменьшенные в сравнении с окладами русских служилых людей [12, с. 105, 109]. Впрочем, часть из них получали земли, наследовавшие впоследствии их потомками, как это произошло, например, с фамилией тюменских служилых татар Матмасовых¹¹.

На протяжении конца XVI и первой половины XVII в. юртовские татары сыграли значительную роль в ряде военных столкновений, имевших место на территории Западной Сибири, сражаясь вместе с русскими служилыми людьми. Достаточно напомнить, что в последнем походе против сил хана Кучума, завершившемся окончательным разгромом последнего (1598 г.), принимали участие не менее 140 служилых татар¹². В 1607 г. тюменским воеводой М. М. Годуновым были организованы два похода против Кучумовичей и поддерживавших их калмыков, в которые снарядили столько казаков и татар (не

¹⁰ На этом основании некоторые историки считали возможным сопоставлять сибирских служилых татар с казанскими и астраханскими, характеризуя их положение практически идентичным образом [4, с. 99–104]. «Татары Тобольского разряда всегда были покорны законам... добрые служивые, всегда честны и дружелюбны» [5, с. 155].

¹¹ *Дополнения к актам историческим (ДАИ)*. СПб., 1848. Т. 3. С. 173, 174.

¹² *Акты исторические (АИ)*. СПб., 1841. Т. 2. С. 1.

только служилых, но и ясачных), «сколько можно было вскоре собрать» [7, с. 30, 31]. На всем протяжении 1630-х годов в многочисленных стычках с калмыками и обороне от них пограничных городов и волостей самым активным образом участвовали юртовские татары из Тобольска, Тюмени и Тары, их отряды насчитывали до сотни и более воинов¹³. Кроме того, контингенты служилых татар отмечены в составе тех экспедиций, силами которых были основаны Тара в 1594 г. и Томск в 1604 г. Вплоть до второй половины XVII в. партии татар направлялись в качестве «годовальщиков» в опорные пункты по южной границе русских владений в Сибири: в Тару, Томск и близлежащие остроги и слободы.

Обязанности юртовских татар не исчерпывались, конечно, чисто военными функциями. На них была также возложена ямская гоньба, хотя обычно для нее задействовали не состоявших на службе родственников служилых татар или их «захребетников». Служилые татары всегда оказывались в числе лиц, ежегодно отправлявшихся в экспедиции за солью к оз. Ямыш¹⁴. Наконец, русские власти активно привлекали их к дипломатической деятельности, включая переводчиками в состав посольств, отправляемых к кочевым соседям, а также для наблюдения за верностью ясачных и, при необходимости, подавлении выступлений последних¹⁵. К началу XVIII в. юртовские татары, по сути, теряют свое особое положение в структуре служилого населения Сибири, почти сливаясь с казаками и другими представителями иррегулярных сил. Лишь конфессиональный фактор по-прежнему отличал их от казачества.

В принципе, мы можем заключить, что в рамках второй рассматриваемой нами модели имело место более тесное включение сибирских аборигенов в систему вооруженных сил Российского государства, однако она была ограничена территориальными рамками Западной Сибири, а с течением времени необходимость в ее использовании постепенно сходилась на нет. Правда, уже во второй половине XVIII в. имело место своеобразное возрождение подобной практики, когда в Забайкалье целые подразделения формируемого там Пограничного казачьего войска комплектовались из представителей аборигенных этносов – эвенков (тунгусов) и бурят [28].

Наконец, третья модель, представленная в условиях Сибири XVII в. – переход на русскую военную службу отдельных представителей аборигенного населения, фигурировавших в официальных документах под термином «новокрещены». Будучи, как и первая из рассмотренных нами моделей, распро-

¹³ Сведения об этих событиях см.: *Тычинских З.А.* Служилые татары... С. 62, 63.

¹⁴ См., напр.: *АИ.* СПб., 1842. Т. 5. С. 520–532.

¹⁵ Подробную характеристику положения и всех обязанностей юртовских татар в Западной Сибири см.: *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары... С. 165–167; *Тычинских З.А.* Служилые татары... С. 54–72.

странена практически повсеместно, она, в отличие от предыдущих, регулировалась не столько чисто военными факторами, сколько спецификой взаимоотношений, складывавшихся на индивидуальном уровне между выходцами из сибирских этносов и представителями русской государственной власти. При этом степень культурной и языковой ассимиляции, которой подвергались аборигены, фактически разрывавшие связи со своими сородичами, могла значительно варьироваться. Мы склонны согласиться с мнением А.А. Люцидарской, указывавшей, что ряды служилых, как правило, пополняли представители родоплеменной знати, поскольку «рядовой общинник по роду занятий, образу мышления был несравнимо менее подготовлен к вступлению в ряды служилого сословия»¹⁶ [29, с. 66]. Первым известным примером подобного рода можно назвать зачисление четверых вогулов на стрелецкую службу в г. Верхотурье в 1603 г.¹⁷

С.В. Бахрушин проследил на примере гарнизона Красноярска, каким образом происходило зачисление в его состав «новокрещенов». Он также отмечал, что русские власти сначала поверстали «лишь несколько лучших людей с тем расчетом, что эта служилая аристократия будет вести за собой своих соплеменников» [23, с. 67]: вплоть до 1670-х годов на протяжении нескольких десятилетий число аринских татар в составе гарнизона не превышало 5–6 чел. Это были исключительно князцы и «лучшие люди». Зато уже в 1680 г. их насчитывалось 14 чел., а к 1698 г. эта цифра возросла до 28 чел. Но и тогда на службу продолжали записывать представителей «родовитых туземных фамилий», только в порядке исключения жалую аборигенов за важные услуги, оказанные властям, как, например, Т. Салбарова, в 1693 г. донесшего о намерении своих родных братьев сбежать к киргизам [23, с. 67]. Можно привести еще один пример – в 1684 г. ясачный вогул Т. Черемкулов зарезал своего племянника, бежавшего к нему после убийства на Верхотурье монастырского старца, а в 1685 г. подал челобитную о крещении и поверстании в казачью службу, которая была удовлетворена¹⁸.

Аналогичная практика, характерная для русских гарнизонов Забайкалья, была отмечена Г.А. Леонтьевой. Если до конца XVII в. представители эвенкийского и бурятского населения зачислялись туда в единичных случаях и

¹⁶ Исключение составляли те случаи, когда «новокрещены» поступали на службу в качестве переводчиков-«толмачей», см. об этом: *Люцидарская А.А.* Толмачи-новокрещены (из истории межэтнических контактов в Сибири) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Мат-лы итоговой сессии Ин-та археологии и этнографии СО РАН 2010 г. Новосибирск, 2010. Т. 16. С. 401–404.

¹⁷ АИ. Т. 2. С. 56, 57. См. также: АИ. СПб., 1841. Т. 3. С. 40, 41.

¹⁸ ДАИ. СПб., 1872. Т. 12. С. 95, 96.

несли службу вместе с русскими, то уже в первой четверти XVIII в. их верстания стали носить более массовый характер, когда они начали образовывать целые группы в составе гарнизонов. При этом сначала на службе оказывались представители «племенной» знати, а уже за ними следовали их сородичи. Так, еще в середине XVII в. (в 1651 г., по другим данным – в 1667 г.) приняли русское подданство тунгусские (эвенкийские) князья, отец и сын П. и П. Гантимуровы [30]. А в 1711–1712 гг. гарнизоны Нерчинска и близлежащих острогов пополнили сразу 20 чел. из числа родственников фамилии Гантимуровых [31, с. 34, 56, 58]. Первыми из рядовых аборигенов, поверстанных на службу в Нерчинске, стали к 1662 г. двое эвенков, братья М. и Я. Ларионовы. А за 1702–1717 гг. в одном лишь гарнизоне Селенгинска появились 24 чел. из «новокрещеных» бурят, в Удинском остроге за тот же период – 11 чел. [31, с. 34, 57, 58].

Небезынтересно отметить, что в ряде случаев даже принимавшие крещение и поступавшие на службу аборигены так и не могли до конца порвать связи со своими соплеменниками и отказаться от собственных обычаев и традиций. В начале XVII в. некоторые из западносибирских манси, прослужив недолгое время в русских гарнизонах Верхотурья, Пельма, Тюмени, просто бежали из этих городов и добирались до жилищ своих родичей, укрываясь там и оставаясь в душе охотниками и рыбаками, сохраняя традиционное мировоззрение и верования: «Ни искомое ими государево жалование, ни одежда русского покроя, ни крест на шее не могли примирить их с чуждой жизнью» [28, с. 67]. Известны и другие примеры подобного рода. Так, служивший в Красноярске во второй половине XVII в. сын боярский И. Айканов – крещеный киргиз, приходившийся родственником князю Ереняку, главному противнику русских в Южной Сибири, «в своем быту продолжал придерживаться киргизских обычаев и традиций, поддерживал тесные и разносторонние связи со своими соплеменниками... но одновременно хорошо усвоил русскую материальную и духовную культуру» [32, с. 39]. Последний кодский князь Д. Алачев обвинялся в том, что живет со своими родственниками «в нашей православной вере не крепко... шайтанам мольбу прилагают... шайтану в дар платья и лошади дают», а в 1643 г. он был даже вызван в Тобольск для расследования учиненной им стрельбы из пищали по церковному кресту¹⁹[16, с. 47].

Использовалась данная модель и на северо-востоке Сибири, хотя и в несколько меньшем масштабе. Показателен в этом отношении состав гарнизона Якутска. По подсчетам Ф.Г. Сафронова, в 1640–1653 гг. на службу туда были приняты двое новокрещенных якутов, в 1675–1676 гг. якутский воево-

¹⁹ См. также: ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 153, 154.

да А. Барнешлев зачислил в служилые троих, в 1684 г. пополнили их ряды еще трое якутов. На 1681 г. всего в гарнизоне города состояли 26 «новокрещенов» [33, с. 63–65; 34, с. 313]. Аналогичные пропорции сохранялись и в первые десятилетия XVIII в. По списку 1701 г. среди казаков числилось 23 якута, в 1721 г. их насчитывалось 29 чел. При этом, как установил В.Ф. Иванов, «привилегиями при принятии на службу (присвоение звания дворянина или сына боярского, назначение на высокую должность и выплата высокого оклада и т. д.) пользовались князцы и “лучшие люди”. Неимущие якуты обычно принимались на службу в качестве рядовых» [35, с. 41]. Якутские тойоны даже ездили креститься в Москву, получая на свои новые имена царские грамоты о пожаловании их в дети боярские, исследователями были отмечены около десятка подобных случаев.

В 1677 г. тойон К. Сахалтин был крещен в Москве и под именем Л. Львова стал числиться сыном боярским. В 1680 г. оказались произведены в дети боярские «новокрещены» И. Румянцев и П. Иванов. В 1696 г. по грамоте Петра I якут Б. Арчиков получил при крещении имя И. Лихачева (поскольку его крестным отцом при совершении обряда стал окольный М.Т. Лихачев) и был пожалован сыном боярским на вакантное место, которое занимал ранее Т. Богомолов. В 1699 г. произвели в дети боярские «новокрещена» И. Михайлова. А в 1709 г. появился царский именной указ о присвоении якутскому князю Ф. Матвееву (еще ранее перешедшему в православие) дворянского звания: «Быть по московскому списку во дворянех, а служить по Якуцку» [35, с. 39–42; 36]. В дальнейшем, на протяжении XVIII в. дворянское сословие Российской империи также время от времени продолжало пополняться выходцами из некоторых этносов сибирских аборигенов.

Таким образом, мы можем отметить некоторые параметры, которыми характеризовались описанные выше модели взаимодействия. Во-первых, с точки зрения численности задействованных в военной сфере представителей сибирских этносов мы наблюдаем динамику ее снижения от первой к третьей модели. Если в качестве союзников для предпринимавшихся фактически на всей территории Сибири военных походов русскими привлекались достаточно многочисленные отряды аборигенов, насчитывавшие сотни воинов, то зачисление в состав гарнизонов их отдельных контингентов производилось лишь в нескольких городах Западной Сибири и только в отношении юртовских татар; что же касается зачисления в служилые люди «новокрещенов», то эта практика ограничивалась лишь несколькими десятками лиц в ряде сибирских гарнизонов.

С другой стороны, рассматривая степень лояльности аборигенов по отношению к русской государственной власти и включения их в социальную систему Российского государства XVII – начала XVIII в., мы обнаруживаем,

что ее динамика изменялась обратно пропорционально, возрастая от первой модели к третьей. Нами уже приводились примеры, когда военные отряды аборигенов-союзников могли вступать в конфликты с казаками и русскими служилыми людьми. В первой половине XVII в. имели место также и случаи «отъезда» со службы некоторых групп юртовских татар в Западной Сибири. Но попавшие в состав сибирских гарнизонов «новокрещены» изменяли русской власти крайне редко.

Наконец, мы констатировали, что степень распространенности (территориальной и хронологической) первой и третьей моделей являлась практически максимальной, а вторая модель применялась лишь к одной из этнических групп аборигенного населения – татарам Западной Сибири. Причины этого уже отмечались нами выше. Кроме того, можно заметить, что первая модель хронологически предшествовала третьей на всех сибирских территориях и была характерна для первых десятилетий контактов русской власти с аборигенами в том или ином регионе. Третья же модель начинала использоваться уже после окончательного утверждения русской государственной власти, когда взаимные контакты пришельцев с представителями коренных этносов углублялись и расширялись, а обе стороны постепенно привыкали к культурным нормам и стереотипам поведения друг друга. В конечном счете, выбор в пользу той или иной модели определялся в каждой исторической ситуации соотношением сил и конкретными обстоятельствами, диктовавшими русской администрации необходимость применения соответствующих средств для решения стоявших перед ней военно-политических, дипломатических и других задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. См.: *Егоров В.Л.* Русь и ее южные соседи в X–XIII вв. // Отечественная история. 1994. № 6. С. 184–202.
2. См.: *Исхаков Д.М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI вв. Казань, 2004.
3. *Рахимзянов Б.Р.* Касимовское ханство (1445–1552 гг.). Очерки истории. Казань, 2009.
4. *Фирсов Н.Н.* Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866.
5. *Словцов П.А.* Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн. 1.
6. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1937. Т. 1.
7. *Миллер Г.Ф.* История Сибири. М., 1941. Т. 2.
8. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 2.
9. *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1959. Т. 4.
10. *Сафронов Ф.Г.* Русские на северо-востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978.
11. *Уманский А.П.* Телуты и русские в XVII–XVIII вв. Новосибирск, 1980.
12. *Никитин Н.И.* Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск, 1988.
13. *Люцидарская А.А.* Старожилы Сибири: Историко-этнографические очерки. XVII – начало XVIII вв. Новосибирск, 1992.

14. *Иванов В.Н.* Вхождение Северо-Востока Азии в состав Русского государства. Новосибирск, 1999.
15. *Зуев А.С.* Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. Новосибирск, 2002.
16. *Перевалова Е.В.* Северные ханты: этническая история. Екатеринбург, 2004.
17. *Тычинских З.А.* Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII–XIX вв.). Казань, 2010.
18. *Зуев А.С., Люцидарская А.А.* Этнический состав сибирских служилых людей в конце XVI – начале XVIII в. // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. 2010. Т. 9. Вып. 1: История. С. 52–69.
19. *Бахрушин С.В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII вв. Л., 1935.
20. *Вершинин Е.В., Шапков А.Т.* Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI – первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут, 2004. С. 10–32.
21. *Перевалова Е.В.* Обдорские князья Тайшины (историко-этнографический очерк) // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1. С. 152–190.
22. *Бахрушин С.В.* Енисейские киргизы в XVII в. // Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 176–224.
23. *Бахрушин С.В.* Очерки по истории Красноярского уезда в XVII в. // Науч. тр. М., 1959. Т. 4.
24. *Бахрушин С.В.* Сибирские служилые татары в XVII в. // Науч. тр. М., 1955. Т. 3. Ч. 2. С. 153–175.
25. См.: *Каменецкий И.П.* Русское население Кузнецкого уезда в XVII – начале XVIII вв. Омск, 2005.
26. *Кауфман А.О.* Некоторые аспекты процесса формирования кузнецкого гарнизона в XVII – начале XVIII вв. // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2005. Вып. 7. С. 98–107.
27. *Кауфман А.О.* Начальный этап формирования группы служилых татар в составе Кузнецкого гарнизона (первая половина XVII в.) // III чтения, посв. памяти Р.Л. Яворского (1925–1995): Мат-лы Междунар. науч. конф. Новокузнецк, 2007. С. 140–152.
28. *Самбуева Л.В.* Бурятское и эвенкийское казачество на страже Отечества (вторая четв. XVIII – первая пол. XIX в.). Улан-Удэ, 2003.
29. *Гемуев И.Н., Люцидарская А.А.* Служилые угры (один из аспектов русско-угорских отношений в XVI–XVII вв.) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. 1994. № 3. С. 63–67.
30. *Болонев Ф.Ф.* «Не жесточью, а ласкою»: отношение русских властей к эвенкийскому роду Гантимурова в XVII–XIX вв. // Проблемы межэтнического взаимодействия народов Сибири. Новосибирск, 2002. С. 28–31.
31. *Леонтьева Г.А.* Служилые люди в Восточной Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. М., 2012.
32. *Курилов В.Н., Люцидарская А.А.* К вопросу об исторической психологии межэтнических контактов в Сибири XVII в. // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 26–43.

33. См.: *Сафронов Ф.Г.* Русские на Северо-Востоке Азии в XVII – середине XIX в. М., 1978.

34. *Якутия* в XVII в. Якутск, 1953.

35. *Иванов В.Ф.* Русские письменные источники по истории Якутии XVIII – начала XIX в. Новосибирск, 1991.

36. *Иванов В.Ф.* Социально-экономические отношения в Якутии (конец XVII – начало XIX в.). Новосибирск, 1992. С. 147–149.

A.V. DMITRIEV

THE MILITARY COOPERATION OF THE RUSSIAN STATE'S AUTHORITIES AND THE PEOPLES OF SIBERIA FROM THE END OF THE XVI TO THE BEGINNING OF XVIII CENTURIES: STANDARD MODELS AND PRACTICAL IMPLEMENTATION.

The article is devoted to the analysis of some various interaction models between Russian state powers and Siberian aboriginals in the sphere of military affairs and service during the mentioned above period. According to the wide range of historical sources and scientific literature, the author established the features of each of the three selected models and the conditions which determined their implementation in practice. The author revealed the dependence of each of these models' choice from military and political situations in particular Siberian regions and also the factors that could lead to replacement of one model to another.

Keywords: Siberia; aboriginals; military affairs and service; cross-cultural interaction; military conflicts; 17th century.